

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СТРУКТУРНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Межвузовский сборник

Издается с 1978 года

Выпуск 12

К 60-летию Отделения прикладной, компьютерной
и математической лингвистики СПбГУ

Под редакцией И. С. Николаева

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 80+618.31

ББК 81.1

С83

Редакционная коллегия: д-р филол. наук, проф. *Г. Я. Мартыненко*, д-р филол. наук, проф. *М. А. Марусенко*, д-р филол. наук, проф. *С. В. Чебанов*, д-р филол. наук, проф. *Л. Н. Беляева*, д-р филол. наук, проф. *А. Я. Шайкевич*, д-р техн. наук, проф. *Н. Н. Леонтьева*, д-р филол. наук, гл. науч. сотр. *С. Д. Шелов*, д-р философии (PhD), адъюнкт-проф. *М. В. Коптев*, канд. филол. наук, доц. *В. П. Захаров*, канд. филол. наук, доц. *И. С. Николаев* (отв. редактор)

Рецензенты: Засл. деятель науки России, д-р филол. наук, проф. РГПУ им. А. И. Герцена *Л. Н. Беляева*; канд. техн. наук, ст. научн. сотр. СПИИРАН *И. С. Кипяткова*

*Рекомендовано к публикации научной комиссией
в области наук о языках и литературе
Санкт-Петербургского государственного университета*

Структурная и прикладная лингвистика: межвуз. сб.
С83 Вып. 12: К 60-летию отделения прикладной, компьютерной и математической лингвистики СПбГУ / отв. ред. *И. С. Николаев*. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. — 244 с.

Сборник (вып. 11 вышел в 2015 году) содержит статьи по широкому кругу проблем теоретической и прикладной лингвистики, по использованию математических и компьютерных методов в языкознании.

Предназначен для специалистов по теории языка, прикладной и компьютерной лингвистике.

УДК 80+618.31

ББК 81.1

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПРЕСУППОЗИЦИИ В ДЕТЕКТИВНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Аннотация. Известное в логике понятие пресуппозиции применяется к анализу особенностей речевого воздействия и манипулирования в литературе детективного жанра. В данном случае речь идет о прагматической пресуппозиции, которую можно определить как ряд положений, допускаемых говорящим относительно того, что адресат склонен принять на веру. В статье рассматривается ряд классических английских детективов, построенных на использовании различных сомнительных приемов, которые, хотя и не запрещены законами жанра, создают впечатление злоупотребления читательским доверием. По мнению авторов, подобные случаи, несмотря на их разнородность, могут быть объединены в одну категорию по признаку нарушения имеющихся у читателя прагматических пресуппозиций.

Ключевые слова. Прагматическая пресуппозиция, лингвистическая прагматика, детектив, речевое воздействие, языковое манипулирование.

Natalia M. Maroussenko, Tatiana G. Skrebtsova

PRAGMATIC PRESUPPOSITIONS IN DETECTIVE FICTION

Abstract. The notion of presupposition, well-known in logic, is applied to the study of manipulative techniques in detective fiction. More specifically, the study focusses on pragmatic presuppositions which can be defined in terms of assumptions the speaker/writer makes about what the hearer/reader is likely to accept without challenge. A number of classical British detective stories, novels and plays are examined that employ dubious techniques which, though not banned by the rules of the genre, seem to break the credit of trust the readers confer on the author. The paper suggests that such cases, however miscellaneous they may be, fall under a single category involving manifold violations of the readers' pragmatic presuppositions.

Keywords. Pragmatic presupposition, linguistic pragmatics, detective fiction, persuasion, manipulative techniques.

Классический детектив¹, представленный произведениями А. Конан-Дойля, Г. К. Честертон, А. Кристи, Д. Сейерс и их последователей, работающих в русле соответствующей английской традиции, неодно-

¹ В настоящей работе речь идет именно о классическом детективе: более поздние модификации жанра, такие как, скажем, американский «крутой» (hard-boiled) детектив или получившие распространение в наши дни иронический, шпионский, мистический, эротический и прочие детективы не рассматриваются.

кратно привлекал внимание исследователей. Будучи особым жанром художественной литературы, он обладает своей характерной тематикой и композицией, а также стереотипным набором персонажей (ср. [Шкловский, 1929; Щеглов, 1962; 1996; Маркулан, 1975; Кавелти, 1996; Фаулз, 2002; Вольский, 2006; Скребцова, Дудина, 2011]). Как известно, центральный элемент детективного сюжета — загадка (тайна), раскрываемая работой ума. Обычно загадка связана с преступлением, хотя это не обязательно так: к примеру, далеко не во всех рассказах о Шерлоке Холмсе за странными происшествиями скрывается убийство (ср. «Желтое лицо», «Скандал в Богемии», «Человек на четвереньках», «Три Гарридеба»).

Притягательность детективного произведения обусловлена его воздействием как на ум, так и на чувства читателя. Преступление, мотивы которого обычно составляют деньги, страх и месть, апеллирует к эмоциям, а расследование — к интеллекту, логическому мышлению. Одно и то же происшествие представляет собой одновременно и тайну (с коннотациями 'ужасная', 'кровавая' и т. д.), и загадку для ума, ребус, головоломку [Скребцова, 2012b].

Отличительной чертой жанра является необходимость сохранения интриги вплоть до последних страниц (и даже строк) детективного произведения. Поэтому повествование в принципе не может выстраиваться в строго хронологическом порядке (подробнее о структурных особенностях детектива см.: [Шкловский, 1929; Щеглов, 1962; 1996; Скребцова, 2012a]). Читателю не сообщаются все детали произошедшего: он знакомится с ними по мере расследования, в ходе которого сыщик по найденным уликам постепенно реконструирует преступление. Заметим, что читателю редко удается это сделать самостоятельно, из-за того что автор умело запутывает его, предлагая ложные версии, выдвигая на передний план несущественные обстоятельства и, наоборот, упоминая о важных деталях мимоходом. Фактически речь идет о попытках авторов детектива манипулировать сознанием читателя (ср.: [Доценко, 2000]).

Однако в профессиональной писательской среде не все приемы воздействия на читателя считаются допустимыми. Известно, что роман А. Кристи «Убийство Роджера Экройда» [Кристи, 1993] в свое время вызвал гнев ее соратников по цеху в связи с тем, что рассказчик (доктор Шеппард), он же помощник Э. Пуаро в расследовании преступления, оказался убийцей. Реакцией на этот случай стало появле-

ние в 1928 году «Десяти заповедей детективного романа» [Нокс, 1990] и «Двадцати правил для пишущих детективные рассказы» [Ван Дайн, 1990], запрещающих, в частности, использование так называемого «ненадежного рассказчика».

Действительно, указанный роман А. Кристи нарушает имеющуюся у читателя (хоть и неосознанную) презумпцию невинности рассказчика, в силу которой он машинально доверяет ему, исключает из списка возможных подозреваемых. Однако нам представляется, что в действительности читатель склонен принимать на веру гораздо больший спектр информации, исходящей от рассказчика и / или повествователя, а также неосознанно делать из нее вероятные (но зачастую недостоверные) умозаключения. Соответственно, есть ряд более тонких уловок, основанных на злоупотреблении читательским доверием, которые, по-видимому, невозможно охватить никаким словом конкретных запретов.

В качестве характерного примера обратимся к роману А. Кристи «После похорон». Ключевым персонажем здесь является Кора Ланскене — младшая из всех братьев и сестер недавно умершего Ричарда Эбернети, по случаю похорон которого вся семья вновь собирается вместе. Из них лишь трое помнят Кору ребенком, остальные не видели ее никогда. Со слов слуги Лэнскомба читатель узнает, что теперь, через 25 лет, ее с трудом можно узнать: располнела и претенциозно одета. Кора, в соответствии со своей детской привычкой говорить сразу то, что пришло в голову, произносит фразу «Но ведь Ричарда убили?» [Кристи, 1998b, с. 438], тем самым направляя мысль читателя по ложному следу (а именно: Ричард умер не своей смертью). Вскоре после этого Кору находят убитой в собственном доме, что еще более закрепляет соответствующую версию. На протяжении большей части повести читатель ломает голову, кому же из закрытого списка персонажей выгодна была смерть Кору и кто, следовательно, ранее убил Ричарда.

Однако все построения оказываются напрасными, так как замысел А. Кристи предполагает как бы «раздвоение личности» Кору. Оказывается, что настоящую Кору действительно убили, а та, что ранее приезжала на похороны и произнесла фразу о насильственной смерти Ричарда, вовсе не была Корой, а только старательно имитировала ее привычки и манеры. Выдало обманщицу то, что, репетируя перед зеркалом, она перепутала правую и левую стороны: ведь чтобы

в зеркале получить наклон головы к правому плечу, нужно на самом деле наклонять ее к левому. Это-то и обратило на себя внимание Элен Эбернети, которая помнила Кору ребенком. Ей показалось, что с той «Корой», что приехала на похороны Ричарда, «что-то было не так», но она долго не могла понять, что именно.

Здесь, как нам кажется, автор пользуется сомнительным приемом, связанным с ложной идентичностью персонажа. В любом литературном произведении героям даны те или иные имена (в широком смысле; пусть даже NN), и читателю никогда не приходит в голову задаваться вопросом, а носит ли герой это имя на самом деле или выдает себя за кого-то другого. Если это допустить, можно зайти весьма далеко, ср.: а действительно ли бросившаяся под поезд женщина была Анной Карениной? Убил ли старуху Родион Раскольников или, может быть, сам следователь Порфирий Петрович, замаскировавшийся под Раскольникова? Действительно ли Онегин убил на дуэли Ленского (а не кого-то другого)? Очевидно, что подобные вопросы тогда станут возникать на каждом шагу, что поставит любое произведение на грань абсурда. Разумеется, можно возразить, что читатель детективов должен быть особенно бдителен, тем более что в тексте рассматриваемой повести не раз говорится, что никто из присутствовавших толком не помнил, как выглядела Кора Ланскене 25 лет назад, да и за столь немалый срок внешность может измениться до неузнаваемости. И все же, на наш взгляд, в этом произведении автор злоупотребляет доверием читателя.

Возможно, еще более ярко указанный прием проявляется в известной пьесе А. Кристи «Мышеловка». Владельцам пансиона Монксуэлл-Мэнор Джайлсу и Молли Рэлстон поступает звонок из полиции о том, что к ним направлен сержант, и через некоторое время на сцене действительно появляется некий полисмен. Вот как его появление оформлено в тексте ремарки:

«Раздаются три резких удара в окно, и сержант Троттер прижимает лицо к стеклу и всматривается. Молли вскрикивает и показывает на него рукой. Джайлс распаивает окно. Сержант Троттер стоит на лыжах, это веселый и весьма обыкновенный молодой человек» [Кристи 2003а, с. 434].

Позднее оказывается, что под личиной полицейского сержанта Троттера скрывается шизофреник, который уже совершил убийство в Лондоне и теперь прибыл в пансион для того, чтобы «покарать» еще двух жертв.

Легко заметить, что способ введения Троттера в текст пьесы ничем не отличается от того, как в любом художественном повествовании появляются новые персонажи. В отличие от рассмотренной выше повести, здесь нет ни малейших сигналов, которые могли бы побудить читателя усомниться в идентичности персонажа. Поскольку он имеет еще и чин сержанта полиции, читателю тем более не приходит в голову заподозрить его в убийствах, так как сыщики и полицейские не должны оказываться преступниками (это еще одно правило из списков Нокса и Ван Дайна, которые принято соблюдать). Таким образом, речь идет о двойном обмане: персонаж подается под ложным именем и ему приписывается ложная должность, призванная исключить его из списка подозреваемых. Все это, с нашей точки зрения, является весьма рискованными приемами, связанными с манипуляцией сознанием читателя.

Еще один вид манипуляции предполагает введение читателя в заблуждение относительно основных физических характеристик персонажа, а именно: пола, внешности и даже того, жив он или мертв. Последний параметр обыгрывается все той же А. Кристи в романе «Десять негрятят», где судья Уоргрейв подается в качестве новой (уже пятой) жертвы неизвестного убийцы. И лишь в финале обнаруживается, что судья в тот день не был застрелен: он предварительно вступил в заговор с доктором Армстронгом для того, чтобы тот помог ему инсценировать смерть. Свое намерение Уоргрейв объяснял Армстронгу тем, что таким образом у него появятся дополнительные возможности следить за оставшимися персонажами и вычислить убийцу: ведь никому не придет в голову подумать на мертвеца. Однако он-то и был все время настоящим убийцей, а ложный статус убитого помогал ему поочередно расправляться с оставшимися жертвами [Кристи, 1998а].

Здесь, как и в рассмотренных выше примерах, по-видимому, также можно упрекнуть автора в злоупотреблении доверием к повествователю: достаточно применить схожие рассуждения. Ведь тогда каждого, о ком говорится, что он убит, читатель может подозревать в том, что тот на самом деле жив? В частности, если в этом романе утверждается, что убиты десять человек, можно выдвинуть такую гипотезу в отношении каждого из них? И делать так в каждом детективном произведении? Мы видим, что по сути эта идея близка к той, что предполагала ложную идентичность каждого персонажа.

Более тонкий прием, основанный на введении читателя в заблуждение относительно физических характеристик персонажа, можно обнаружить в романе «Джентльмены и игроки» современной британской писательницы Дж. Харрис — автора ряда популярных произведений, написанных именно в стиле классического английского детектива. Действие происходит в закрытой привилегированной школе для мальчиков «Сент-Освальд». Рассказчиков двое: учитель латыни и неизвестный персонаж, детство которого прошло в «Сент-Освальд» и который теперь жаждет уничтожить школу и ее обитателей из-за своих глубоких детских обид. Почти до самого конца неясно, кто же скрывается под маской неизвестного, и читателя не покидает ощущение, что все не так, как кажется. И хотя читатель детектива всегда предвкушает неожиданную развязку, здесь его ждет поистине сильное изумление: оказывается, что «мистер Икс» — это молодая женщина. Происходит нарушение читательских ожиданий, основанных на информации о том, что «Сент-Освальд» — закрытая школа для мальчиков, и, следовательно, подозреваемый должен быть мужского пола.

Особо следует сказать об искусстве перевода этого романа на русский язык. Как известно, английские глаголы лишены показателей грамматического рода во всех своих формах. Оригинальное повествование на английском языке ведется в прошедшем времени, что никак не «выдает» пол рассказчика. Однако в русском языке формы глагола в прошедшем времени имеют соответствующую дифференциацию. Соответственно, перед переводчиком стояла задача избежать употребления каких бы то ни было глагольных форм действительного залога прошедшего времени — иначе интригу было бы не сохранить. Сопоставляя английский оригинал и русский перевод, можно наблюдать, сколь искусно переводчик Т. Старостина решает эту задачу, пользуясь широким спектром разнообразных способов, призванных завуалировать пол рассказчика. Из наиболее частотных отметим безличные конструкции (ср. *I obeyed* — *Мне приходилось подчиняться*; *I was happy enough* — *Мне было хорошо* [Harris, 2005, p. 1; Харрис, 2013, с. 8]), конверсивные перифразы (*I pestered my father* — *Мои вопросы вконец достали отца* [Harris, 2005, p. 3; Харрис, 2013, с. 11]), инфинитивы (*I kept to myself*; *stayed out of the house*; *played in the snowy woods behind St. Oswald's and explored every inch of the school's perimeter* — *Моя жизнь текла в одиночестве — уйти из дома, играть в заснеженном лесу за «Сент-Освальдом» и исследовать каждый дюйм по периметру*

школы [Harris, 2005, p. 2; Харрис, 2013, с. 9]), употребление глаголов в значении настоящего исторического (*Even I knew that... — Даже я понимаю...* [Harris, 2005, p. 3; Харрис, 2013, с. 11]).

Завершая наш краткий и неизбежно неполный обзор различных приемов, нарушающих читательские ожидания и злоупотребляющих его доверием, обратимся к рассказу А. Кристи «Свидетель обвинения». Повествование здесь строится от 3-го лица — поверенного по судебным делам Мейхерна. Будучи введен в заблуждение рассыпанными по тексту положительными характеристиками этого персонажа (*репутация превосходного адвоката, серые пронизательные глаза, весьма неглупый человек, пытливо посмотрел* и т. п.), читатель подсознательно доверяет его суждениям и оценкам, смотрит на случившееся его глазами [Кристи, 2003b]. Не последнюю роль, несомненно, играют аналогии с известными сыщиками (Ш. Холмсом, Э. Пуаро, мисс Марпл и др.), на чью непогрешимую логику и огромный опыт в расследовании запутанных преступлений читатель привык безоговорочно полагаться. Каково же его изумление, когда в конце рассказа Мейхерн оказывается в одном ряду не с этими персонажами, а скорее с незадачливыми помощниками «великих сыщиков» — капитаном Гастингсом и доктором Ватсоном, основное назначение которых в повествовании состоит в том, чтобы морочить читателя как можно дольше, всячески запутывая следы и оттягивая развязку. Характерное для детектива распределение ролей оказывается нарушенным: расследующий преступление на поверку оказывается близок вовсе не прототипическому детективу, а его помощнику; чертами же истинного сыщика (глубоким умом, знанием людской психологии, умением хладнокровно просчитывать ходы и добиваться победы) наделен второстепенный персонаж — свидетель обвинения (Ромейн Хейльгер). Однако в данном рассказе именно он играет главную роль, что и отражено в названии рассказа (подробнее см.: [Марусенко, Скребцова, 2013]).

Отметим близость данного случая к вышеупомянутому роману «Убийство Роджера Экройда»: налицо так называемый ненадежный рассказчик, злоупотребляющий читательским доверием. В романе повествование строится от 1-го лица и рассказчик оказывается убийцей; в рассмотренном рассказе, конечно, нарушения читательских ожиданий не столь «злостные». Однако здесь тоже читатель смотрит на события «глазами» повествователя, и это приводит к тому, что

у него складывается неверное (но выгодное автору детективного произведения) представление о персонажах.

Теперь, рассмотрев ряд конкретных примеров, попытаемся сформулировать, что именно мы считаем сомнительными, или рискованными, приемами манипуляции сознанием читателя в детективном произведении. Выше мы отмечали, что манипуляция сама по себе, по-видимому, составляет неотъемлемое свойство детективного повествования: автор должен максимально запутывать читателя, чтобы сохранять интригу буквально до последней страницы. Следовательно, речь идет о ее частных разновидностях, которые в силу каких-то особенностей кажутся недопустимыми. Для объяснения данного феномена нам кажется уместным привлечь понятие прагматической пресуппозиции (или презумпции).

Прагматическая пресуппозиция, как известно, по-разному трактуется в лингвистической литературе (ср.: [Макаров, 2003, с. 135–137]). Для наших целей подходит определение прагматической пресуппозиции как ряда предположений, допускаемых говорящим относительно того, что адресат склонен принять на веру, т. е. без возражений [Brown, Yule, 1983, p. 29]. При этом прагматические пресуппозиции отнюдь не должны быть истинными, но считаются таковыми [Stalnaker, 1972, p. 389]. Нам представляется, что данное понятие является весьма уместным в контексте исследования специфики детективного жанра, так как позволяет объединить внешне разнородные случаи (наподобие тех, что были рассмотрены выше) в одну категорию и объяснить, что именно отличает их от более распространенных и привычных способов запутывания читателя.

Для того чтобы это сделать, мы должны мысленно встать на позицию автора детективного произведения и задаться вопросом о том, какого рода информацию читатель, скорее всего, будет воспринимать как данность и относиться к ней некритически — в противоположность сведениям, которым он доверять не станет.

В целом, по-видимому, вне зависимости от типа дискурса можно сказать следующее. Человек может верить или не верить сообщаемой ему информации о фактах (например, кто кого где и когда видел, кто кому что сказал и т. д.), но не склонен подвергать сомнению идентичность тех, о ком идет речь, а также их основные биологические характеристики. Сюда относятся сведения прежде всего о том, жив человек или мертв, а также его пол, рост и то, что называется «особыми приме-

тами». Прочие внешние черты не являются столь надежными, так как могут быть изменены². Еще менее люди склонны верить чужим суждениям о внутренних свойствах личности, поскольку подобные высказывания неизбежно субъективны. В то же время подобные оценки принимаются безоговорочно, если их источником является повествователь, как в рассмотренном выше рассказе «Свидетель обвинения».

Таким образом, если автор детектива использует ложные свидетельства персонажей, это выглядит вполне обычным для данного жанра: искушенный читатель не принимает их на веру и скрупулезно анализирует в поисках нестыковок и противоречий. Подобные ходы не заставят его врасплох: они являются ожидаемыми и потому кажутся вполне «законными». Те же манипулятивные приемы, о которых идет речь в настоящей статье, относятся к иному виду обмана, затрагивающему столь глубинные аспекты содержания, что их просто не приходит в голову подвергать сомнению.

Нарушение прагматических пресуппозиций вполне закономерно может вызвать у читателя обидное чувство, что его обманули, использовав «нечестный», недопустимый прием. В то же время, как отмечалось выше, никакой свод частных правил для пишущих детективы не способен охватить подобные случаи. В данной работе мы стремились показать, что все они подпадают под единую категорию, связанную с нарушением прагматических пресуппозиций читателя. Если же посмотреть на эти приемы с точки зрения не читателя, а литературоведа или критика, эту своеобразную игру авторов с границами дозволенного можно оценить как проявление высшего мастерства в данном жанре.

Источники

Кристи А. Убийство Роджера Экройда / пер. с англ. И. Гуровой, Т. Озерской // *Кристи А. Собр. соч. Т. 2.* М.: Артикул, 1993. С. 479–668.

Кристи А. Десять негрятят / пер. с англ. Л. Беспаловой // *Кристи А. Собр. соч. Т. 8.* М.: Артикул, 1998а. С. 553–712.

² В этой связи заметим, что прием, связанный с использованием в детективе персонажей-близнецов, кажется вполне допустимым, если читателя заранее ставят в известность, что у действующего героя есть близнец того же пола, ср. роман А. Кристи «Слоны помнят всё» [Кристи, 2001] (в другом переводе название звучит как «Слоны умеют помнить»). Умолчание же о подобном факте выглядело бы злоупотреблением.

Кристи А. После похорон / пер. с англ. И. Бужинской // Кристи А. Собр. соч. Т. 13. М.: Артикул, 1998b. С. 423–635.

Кристи А. Слоны помнят всё / пер. с англ. под ред. А. Титова // Кристи А. Собр. соч. Т. 19. М.: Артикул-Принт, 2001. С. 409–560.

Кристи А. Мышеловка / пер. с англ. В. Ашкенази // Кристи А. Собр. соч. Т. 24. М.: Артикул-Принт, 2003a. С. 407–478.

Кристи А. Свидетель обвинения / пер. с англ. В. Ашкенази // Кристи А. Собр. соч. Т. 24. М.: Артикул-Принт, 2003b. С. 479–558.

Харрис Дж. Джентльмены и игроки / пер. с англ. Т. Старостиной. М.: Эксмо, 2013.

Harris J. Gentlemen and Players. London: Doubleday, 2005.

Литература

Ван Дайн С. С. Двадцать правил для пишущих детективные рассказы // Как сделать детектив. М.: Радуга, 1990. С. 38–41.

Вольский Н. Н. Легкое чтение: Работы по теории и истории детективного жанра. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006.

Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. М.: ЧеРо, 2000.

Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 33–64.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.

Маркулан Я. К. Зарубежный кинодетектив: Опыт изучения одного из жанров буржуазной массовой культуры. Л.: Искусство, 1975.

Марусенко Н. М., Скребицова Т. Г. Типичное и нетипичное в структуре детектива // Мир русского слова. 2013. № 4. С. 74–79.

Нокс Р. Десять заповедей детективного романа // Как сделать детектив. М.: Радуга, 1990. С. 77–79.

Скребицова Т. Г. Речевое воздействие в детективном произведении // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2012a. № 1. С. 113–117.

Скребицова Т. Г. Структурный анализ детективного повествования // Структурная и прикладная лингвистика: межвуз. сб. Вып. 9. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012b. С. 80–94.

Скребицова Т. Г., Дудина Д. И. Инварианты детективного повествования: (к постановке задачи) // Материалы XL Международной филологической конференции (Санкт-Петербург, 14–19 марта 2011 г.): Секция прикладной и математической лингвистики. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011. С. 63–69.

Фаулз Дж. Конан Дойл // Фаулз Дж. Кротовые норы. М.: Махаон, 2002. С. 183–200.

Шкловский В. Новелла тайн // Шкловский В. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. С. 25–42.

Щеглов Ю. К. К построению структурной модели новелл о Шерлоке Холмсе // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем: тезисы доклада. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 153–155.

Щеглов Ю. К. К описанию структуры детективной новеллы // Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты — Тема — Приемы — Текст: сб. статей. М.: Прогресс, 1996. С. 95–112.

Brown G., Yule G. *Discourse Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Stalnaker R. *Pragmatics // Semantics of Natural Language*. Dordrecht; Boston: D. Reidel, 1972. P. 380–397.

Sources

Harris J. 2005. *Gentlemen and Players*. London: Doubleday

Kharris Dzh. 2013. *Dzhentl'meny i igroki* [Gentlemen and Players]. T. Starostina (transl. from Eng.). Moscow: Eksmo [Eksmo]. (In Russ.)

Kristi A. 1993. Ubiistvo Rodzhera Ekroida [The Murder of Roger Ackroyd]. I. Gurova, T. Ozerskaia (transl. from Eng.). *Kristi A. Sobr. soch.* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Articul [Article]: 479–668. (In Russ.)

Kristi A. 1998a. Desiat' negritiat [Ten Little Niggers]. L. Bespalova (ed. transl. from Eng.). *Kristi A. Sobr. soch.* [Collected Works]. Vol. 8. Moscow: Articul [Article]: 553–712. (In Russ.)

Kristi A. 1998b. Posle pokhoron [After the Funeral], I. Buzhinskaia (transl. from Eng.). *Kristi A. Sobr. soch.* [Collected Works]. Vol. 13. Moscow: Articul [Article]: 423–635. (In Russ.)

Kristi A. 2001. Elephants Can Remember [Slony pomniat vse], A. Titov (ed. transl. from Eng.). *Kristi A. Sobr. soch.* [Collected Works]. Vol. 19. Moscow: Articul [Article]: 409–560. (In Russ.)

Kristi A. 2003a. Myshelovka [The Mousetrap], V. Ashkenazi (transl. from Eng.). *Kristi A. Sobr. soch.* [Collected Works]. Vol. 24. Moscow: Articul Print [Article Print]: 407–478. (In Russ.)

Kristi A. 2003b. Svidetel' obvineniia [Witness for the Prosecution], V. Ashkenazi (transl. from Eng.). *Kristi A. Sobr. soch.* [Collected Works]. Vol. 24. Moscow: Articul Print [Article Print]: 479–558. (In Russ.)

References

Brown G., Yule G. 1983. *Discourse Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dotsenko E. L. 2000. *Psikhologiya manipulatsii: fenomeny, mekhanizmy, zashchita* [The Psychology of Manipulation: Phenomena, Mechanisms, Protection]. Moscow: CheRo [CheRo]. (In Russ.)

Faulz Dzh. 2002. Konan Doil [Conan Doyle]. Faulz Dzh. *Krotovyye nory* [Mole Holes]. Moscow: Makhaon [Makhaon]: 183–200. (In Russ.)

Kavelti Dzh. G. 1996. Izucheniie literaturnykh formul [The Study of Literary Formulas]. *Novoie literaturnoie obozreniie* [New Literary Review] (22): 33–64. (In Russ.)

Makarov M. L. 2003. *Osnovy teorii diskursa* [The Foundations of Discourse Theory]. Moscow: Gnozis [Gnosis]. (In Russ.)

Markulan Ia. K. 1975. *Zarubezhnyi kinodetektiv: Opyt izucheniia odnogo iz zhanrov burzhuaznoi massovoi kultury* [The Foreign Detective Movies: A Study into a Bourgeois Pop-culture Genre]. Leningrad: Iskusstvo [Art]. (In Russ.)

Marusenko N. M., Skrebtsova T. G. 2013. Tipichnoie i netipichnoie v structure detektiva [The Typical and Non-typical Structures in the Detective Genre]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word] (4): 74–79. (In Russ.)

Noks R. 1990. Desiat' zapovedei detektivnogo romana [The Ten Rules of Detective Fiction]. *Kak sdelat' detektiv* [How to Write Detective Fiction]. Moscow: Raduga [Rainbow]: 77–79. (In Russ.)

Shcheglov Iu. K. 1962. K postroeniiu strukturnoi modeli novell o Sherloke Holmse [On the Structural Modelling of Sherlock Holmes Novels]. *Simpozium po strukturnomu izucheniiu znakovykh system: tezisy dokladov* [Proceedings of the Symposium on the Structural Study of Sign Systems]. Moscow: Izd-vo AN SSSR [USSR Academy of Sciences Press]: 53–155. (In Russ.)

Shcheglov Iu. K. 1996. K opisaniiu struktury detektivnoi novelly [The Structure of the Detective Novel]. *Zholkovskij A. K., Shcheglov Iu. K. Raboty po poetike vyrazitel'nosti: Invarianty — Tema — Priemy — Tekst: sb. statei* [Papers on the Poetics of Expressiveness: Invariants — Topic — Techniques — Text: Collected Papers]. Moscow: Progress [Progress]: 95–112. (In Russ.)

Shklovskii V. 1929. Novella tain [The Mystery Novel]. *Shklovskij V. O teorii prozy* [On the Prose Theory]. Moscow: Federatsiia [Federation]: 25–42. (In Russ.)

Skrebtsova T. G. 2012a. Rechevoie vozdeistviie v detektivnom proizvedenii [Persuasion in Detective Fiction]. *Vestnik VGU. Seriiia «Lingvistika i mezhkultura-naia kommunikatsiia»* [Voronezh State University Gerald. Series “Linguistics and Cross-cultural Communication Studies”] (1): 113–117. (In Russ.)

Skrebtsova T. G. 2012b. Strukturnyi analiz detektivnogo povestvovaniia [The Structural Analysis of Detective Fiction]. *Strukturnaia i prikladnaia lingvistika: mezhvuz. sb.* [Structural and Applied Linguistics: Interuniversity Collection]. Issue 9. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU [Saint Petersburg State University Press]: 80–94. (In Russ.)

Skrebtsova T. G., Dudina D. I. 2011. Invarianty detektivnogo povestvovaniia: (k postanovke zadachi) [Some Notes on the Detective-fiction Invariants]. *Mate-*

rialy XL Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 14–19 marta 2011 g.): Sektsiia prikladnoi i matematicheskoi lingvistiki [Proceedings of XL International Philological Conference (Saint-Petersburg, March 14–19, 2011), Section of Applied and Mathematical Linguistics]. Saint Petersburg: Filol. f-t SPbGU [Saint Petersburg State University, Filological department]: 63–69. (In Russ.)

Stalnaker R. 1972. *Pragmatics, Semantics of Natural Language*. Dordrecht; Boston: D.Reide: 380–397.

Van Dain S.S. 1990. Dvadcat' pravil dlia pishushchikh detektivnyie rasskazy [Twenty Rules for Writing Detective Stories]. *Kak sdelat' detektiv* [How to Write Detective Fiction]. Moscow: Raduga [Rainbow]: 38–41. (In Russ.)

Volskii N.N. 2006. *Legkoe chtenie: Raboty po teorii i istorii detektivnogo zhanra* [Easy Reading: Papers on the Theory and History of the Detective Genre]. Novosibirsk: Izd-vo NGPU [Novosibirsk State Pedagogical University Press]. (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Мартыненко Г. Я.</i> Стилеметрия: возникновение и становление в контексте междисциплинарного взаимодействия. Часть 3. Вторая половина XX века: Становление новой стилеметрии	5
<i>Азарова И. В., Браславский П. И., Захаров В. П., Киселев Ю. А., Усталов Д. А., Хохлова М. В.</i> Идентификация единиц тезаурусного описания при интеграции лексических ресурсов RussNet и YARN	34
<i>Алексеева Е. Л.</i> К вопросу о маркировании библейских цитат в корпусе СКАТ	53
<i>Гребенников А. О.</i> Меры лексического сходства частотных словарей	61
<i>Гроховский П. Л., Добров А. В., Доброва А. Е., Захаров В. П., Сомс Н. Л.</i> Компьютерный морфосинтаксический анализ несегментированного текста (на материале корпуса тибетских грамматических сочинений)	69
<i>Захаров В. П.</i> Функциональность инструментов корпусной лингвистики	83
<i>Марусенко Н. М., Скребцова Т. Г.</i> Прагматические пресуппозиции в детективном произведении	97
<i>Николаев И. С.</i> Об использовании статистико-комбинаторных методов при моделировании топонимической системы Ингерманландии	110
<i>Миронова Д. М.</i> Алгоритм выделения текстологических примет	117
<i>Ерофеева А. Р., Митрофанова О. А.</i> Автоматическое назначение меток тем в тематических моделях русскоязычных корпусов текстов	123
<i>Паничева П. В.</i> Понятия метафоры и переноса в компьютерной психолингвистике	149
<i>Петров Т. Г., Чебанов С. В.</i> Этиологический анализ как способ выявления неявного знания и скрытого смысла текста	157

<i>Реброва П. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю.</i> Соотношение левой и правой ширины в структуре глагольного куста русской повседневной речи (на материале корпуса «Один речевой день»).....	197
<i>Хохлова М. В., Попов А. М.</i> База данных сочетаемости коллокаций: от предварительных замечаний к проекту	213
<i>Букия Г. Т.</i> Автоматическая кластеризация новостных сообщений с опорой на ключевые слова и биграммные конструкции.....	222
Сведения об авторах.....	235

Научное издание
СТРУКТУРНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ
ЛИНГВИСТИКА

Межвузовский сборник

Выпуск 12

К 60-летию Отделения прикладной, компьютерной
и математической лингвистики

Редактор *О. В. Косенко*
Корректор
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Подписано в печать 00.00.2019. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 00,0. Тираж 100 экз. (1-й завод). Заказ №

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11.
Тел./факс +7(812)328-44-22
publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.